

Примечания

¹ Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Киев, 2003. С. 37.

² Власова Н.А. Досудебные стадии в проекте УПК: повысится ли эффективность расследования? // Законодательство. 2000. № 9.

³ Маевский В. Допустимость доказательств, полученных органами дознания до возбуждения дела // Российская юстиция. 2000. № 6. С. 38.

⁴ Вицин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6.

⁵ До возбуждения уголовного дела защита в деле не участвует; после возбуждения дела использование прав защиты затрудняется вследствие того, что большая часть доказательств по делу уже собрана.

⁶ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1993. С. 70.

⁷ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 62-63; Михайловская И.Б., Петрухин И.Л. Некоторые вопросы теории судебных доказательств // Советская юстиция. 1964. № 5. С. 7; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1973. С. 145.

*В.И. Толмосов**

Допустимость доказательств – самостоятельный правовой институт доказательственного права

В теории права юридические конструкции, к которым отнесены и правовые институты, формируются на основе первичных правовых средств. Когда же правовые средства приобретают устойчивый характер юридических норм, то именно эта особая юридическая конструкция того или иного комплекса юридических норм и является тем главным основанием, объективно выделяющим данный комплекс в особое первичное структурное подразделение – правовой институт¹. Таковы, в частности, в уголовном праве институты особенной части, в уголовно-процессуальном праве – предъявление обвинения, производство следственных действий и другие.

* © Толмосов В.И., 2005.

Анализ теоретической сущности категории допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве позволяет рассматривать ее как самостоятельный уголовно-процессуальный институт. В пользу такой оценки свидетельствует множественность и одновременно с этим единая направленность всего комплекса правил, закрепленных в законе и обеспечивающих использование в доказывании только доброкачественных сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

С.А. Шейфер, впервые исследовавший категорию «следственное действие» как обобщенный (генеральный) уголовно-процессуальный институт, опираясь на положения общей теории права², так обозначил признаки, позволяющие рассматривать соответствующую систему нормативных предписаний именно как правовой институт:

1) специфическая область отношений, достаточно полно и самостоятельно регулируемых нормами о следственном действии. Данные нормы регулируют отношения, возникающие между следователем и другими участниками по поводу получения и закрепления доказательственной информации определенного вида. В ходе собирания доказательств возникает специфическая, внутренне единая и разветвленная система правоотношений, отличающихся от других уголовно-процессуальных отношений своим предметом и пространственно-временными границами;

2) структурное обособление норм, регулирующих указанные отношения. Нормы о следственных действиях сосредоточены в отдельных главах уголовно-процессуальных кодексов. В то же время многие правила собирания доказательств определенного вида, включенные в другие разделы нормативных актов, явно обнаруживают свою связь с этими нормами;

3) специфическая юридическая конструкция. Несмотря на существенные различия между отдельными следственными действиями, совокупности норм, их регулирующие, обладают определенным сходством: они выступают как упорядоченные по общему для всех следственных действий принципу и объединенные однотипной внутренней связью системы правил, обеспечивающих отыскание, восприятие и закрепление фактических данных³.

Экстраполировать все названные признаки процессуального института на комплекс правил о допустимости доказательств можно лишь с оговоркой: институт допустимости доказательств значительно более масштабен, нежели институт следственного действия; нормы, имеющие то или иное отношение к допустимости используемых в доказывании

сведений, содержатся практически во всех разделах УПК РФ и в других нормативных актах, касающихся производства по уголовным делам⁴.

Вместе с тем аналогия с разработанной С.А. Шейфером теоретической схемой анализа процессуального института следственного действия весьма продуктивна: она позволяет, во-первых, убедиться в целостности комплекса правил о допустимости доказательств; во-вторых, определить составляющие этого комплекса; в-третьих, выявить возможные пробелы в законодательстве и оптимальные пути их устранения.

С.А. Шейфер применительно к институту следственного действия определил три взаимосвязанные группы правовых норм, образующие структурную модель данного правового института: 1) правовые основания производства следственного действия; 2) правила, регулирующие поведение лиц, непосредственно участвующих в собирании доказательств (определяющие состав участников, гарантии их прав, содержание собственно поисковых, познавательных и удостоверительных операций); 3) меры принуждения, обеспечивающие надлежащее поведение участников следственного действия⁵.

На основе предпринятого ранее анализа теоретической сущности категории допустимости доказательств полагаем, что уголовно-процессуальный институт допустимости доказательств образован *пятью* группами правил, определяющими:

1) понятие доказательства по уголовному делу и его процессуальную форму;

2) способы собирания и закрепления доказательств (то есть придания им тех процессуальных форм, исчерпывающий перечень которых определен в законе);

3) круг субъектов, способы и процессуальные формы постановки вопроса о признании конкретных доказательств недопустимыми;

4) круг субъектов, уполномоченных на решение этого вопроса, процессуальный порядок принятия соответствующего процессуального решения, его процессуальную форму;

5) правовые последствия признания отдельных доказательств недопустимыми, а также последствия использования недопустимых доказательств при принятии властных решений.

Перечисленные выше группы правил в своей совокупности позволяют сделать вывод, что институт допустимости доказательств — это самостоятельный структурный элемент системы (подотрасли) доказательственного права российского уголовного процесса.

Примечания

¹ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия. М.: Статут, 2001. С.40-41.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. С.119-160.

³ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С.40.

⁴ Требование законности в уголовном судопроизводстве (ст.7 УПК РФ) прямо ориентирует на то, что любое производимое процессуальное действие, любое принимаемое процессуальное решение должны иметь под собой фактические основания, полученные в соответствии с требованиями федерального закона и, прежде всего, Уголовно-процессуального кодекса. Это обстоятельство определяет уровень структурной обособленности норм, образующих институт допустимости доказательств: лишь самые общие из них могут быть выведены в специальные статьи или разделы, остальные содержатся в нормах, регулирующих собственно правоприменительную деятельность.

⁵ Шейфер С.А. Следственные действия. С.49-50.

*О.В. Леонова**

Особенности проведения некоторых следственных действий по уголовно-процессуальному законодательству

Действия лиц, совершающих преступления, отличаются хитростью, зачастую изощренностью способов, тщательной продуманностью поведения. Поэтому перед следственными органами стоят задачи грамотного и эффективного использования в процессе доказывания всех предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством следственных действий.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, вступивший в действие в 2002 году, внес существенные изменения в деятельность органов предварительного расследования. Определенные изменения претерпел институт следственного действия. Объединив в ст. 164 УПК РФ общие правила производства следственных действий, а в ст. 166 УПК РФ общие правила фиксации результатов, полученных при производстве следствия и са-

* © Леонова О.В., 2005.